

Т.И.Артемова, канд. экон. наук

Институт экономического прогнозирования НАН Украины

ИСТОКИ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривается проблема формирования методологии современной экономической теории в контексте пространственно-временного подхода. С этих позиций автор пытается проследить истоки отношений экономической ценности, кроющиеся в глубинах хозяйственной организации первобытного общества – колыбели развитой социально-экономической системы.

Теоретическая экономическая наука пребывает в состоянии кризиса. Она не способна предложить адекватную современным жизненным реалиям методологию экономического анализа, а следовательно, наиболее полно отобразить и исследовать свой объект и стать надежной основой для разработки эффективной экономической политики¹.

Говоря о теоретической экономической науке, мы имеем в виду, прежде всего, ее основополагающие ветви: неоклассическую модель (модель неоклассического синтеза), официально представленную в экономикс, и политическую экономию, составляющую методологическое ядро отечественной экономической теории. В свою очередь, идейно-теоретической платформой этих крупнейших научных школ выступает система отношений экономической ценности: для неоклассической модели – в форме теории предельной полезности, для политической экономии – в форме теории стоимости².

По нашему мнению, кризисное состояние современной экономической теории обусловлено, в первую очередь, кризисом сложившегося здесь подхода к пониманию сути отношений экономической ценности³ и связанным с этим враждебным идеологическим противостоянием различных научных школ и течений. Кризис теории экономической ценности на поверхности науки как бы и не заметен; он проявляется в своего рода "провалах в экономической памяти", в отходе от системы фундаментальных ценностей, в поверхностном подходе к использованию понятий "предельная полезность" и "стоимость" в экономических исследованиях.

С одной стороны, специалисты отмечают, что с 40–50-х годов XX века в западной экономической науке теория стоимости окончательно утратила ак-

¹ В этой связи достаточно упомянуть самые последние публикации: *Радаев В.В.* Условия развития экономической теории // *Экономическая теория.* – 2004. – № 1. – С. 24–42; *Яременко О.Л.* Исторический смысл кризиса экономической науки // *Экономическая теория.* – 2004. – № 2. – С. 26–34 и др.

² В конце XX века ядро теоретической экономической науки дополнило неоинституциональное направление с ценностной сердцевинкой в форме теории общественного выбора.

³ В современной экономической литературе понятие экономической ценности не получило своего развернутого теоретического обоснования, вместе с тем подходы к его определению вполне оформились.

туальность и отошла на второй план⁴. Она оказалась как бы разлитой в концепциях рыночного поведения потребителя, теории фирмы, распределения ресурсов и доходов, в теориях общественного благосостояния, несовершенной конкуренции и государственного регулирования; окончательно оторвалась от теории стоимости двухфакторная концепция цены. С крушением традиционной системы социализма связан молчаливый "демонтаж" ядра ее идеологической надстройки – трудовой теории стоимости в форме марксизма. В современном научном экономическом пространстве в качестве господствующей методологии утвердился ценностный плюрализм в диапазоне от мелкодисперсного постмодерна до прагматичного синтеза. "Явная противоречивость исходных аксиоматических постулатов в различных теориях поставила под сомнение саму целесообразность теоретических построений на столь шаткой основе, – пишет в этой связи Ю.Ольсевич. – В то же время накопление обширного арсенала моделей разного уровня обобщения, описывающих и объясняющих механизмы хозяйствования, предоставило достаточно материала для системного синтеза экономических знаний. Причем синтеза, игнорирующего как разнородное "генетическое" происхождение части синтезируемых моделей, их "корневую" принадлежность к враждующим теоретическим направлениям, так и чисто эмпирическое происхождение другой части моделей"⁵.

С другой стороны, те же западные экономисты в течение всего послевоенного периода пишут о кризисе экономической теории; наиболее влиятельные авторы отражают общее стремление ученых создать новую содержательную теорию, которая "не приносила бы реальную сложность хозяйственной системы в жертву математической стройности и удобству изложения"⁶. Констатируя практическое фиаско монистической ценностной методологии, специалисты вынуждены сегодня признать, что методы функционального анализа и системного синтеза также не являются теми удобными инструментами, которые одни только и обеспечивают конструирование экономически справедливого, приемлемого для жизни общества. Тотальное распространение рыночных ценностей и острая нехватка ценностей фундаментальных способствовали появлению в развитых странах "общества, построенного на сделках", и подрыву основ общего экономического равновесия.

"Не исключено, что на более высоком витке теоретической мысли и в другую эпоху авторитет монистического метода может быть восстановлен на качественно новой основе"⁷, – размышляет Ю.Ольсевич. Однако сама практика хозяйственной жизнедеятельности общества свидетельствует о том, что формирование нового метода экономического мышления не может быть отложено на неопределенное время: "...когда эволюция бытия на Земле подходит к своему апогею, очень важно осознать суть процессуальности, чтобы

⁴ См., напр.: *Никитин С.М.* Эволюция западных теорий стоимости и цены // Деньги и кредит. – 1992. – № 5. – С. 24–25; *История экономических учений / Под ред. А.П.Худокормова.* – М., 1999. – С. 382.

⁵ *Всемирная история экономической мысли: В 6 т-х.* – Т. 5. Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада (послевоенный период). – М., 1994. – С. 509–510.

⁶ См., в частности: *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. – М., 1993; *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М., 2004.

⁷ *Всемирная история экономической мысли.* – Т. 5. Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада (послевоенный период). – С. 514.

попытаться сделать все возможное для продления стадии стабилизации ноосферы – стадии, которая находится на вершине эволюции нестабильности, на вершине пирамиды материального"⁸. И эта проблема, как думается, является общей для всех наук, в том числе (а сегодня в первую очередь) для экономической теории.

К формированию нового метода экономического анализа вплотную подошли и западные, и отечественные специалисты. "Дихотомия фундаментальных принципов и практической целесообразности совершенно явно является искусственной, но именно это и делает ее полезной, – пишет, в частности, Дж.Сорос. – Между этими крайними точками ... лежат близкие к равновесию условия открытого общества"⁹. "Математика и философия отличаются от "нормальных" наук высшей степенью абстрагирования, но формы абстрагирования у них разные: строгость и жесткость, с одной стороны, и расплывчатость и мягкость – с другой. Между этими двумя полюсами "зажаты" сущности всех других наук"¹⁰, – отмечает С.Лазарев. Вполне осознается также то, что в своем стремлении сформировать новую содержательную общую теорию в русле логики исторического процесса экономической науке необходимо следовать за естественными науками, "которые в послевоенные годы решительно переходят от детерминистского классического миропонимания (с его понятиями равновесия и обратимости) к вероятностному подходу (оперирующему понятиями сложности, неравновесия, необратимости)"¹¹.

В этом контексте процесс преодоления экономической наукой кризисного состояния объективно неизбежен; он подготовлен логикой всего ее предшествующего развития и видится нам на путях возрождения фундаментальных ценностных основ экономического исследования, предполагающего преодоление догматизма в восприятии и трактовке теоретических постулатов ее основных течений. Методологическое обновление, в свою очередь, будет способствовать сближению и укреплению научного потенциала влиятельных экономических школ, сохраняющееся противостояние между которыми имеет преимущественно идеологический характер. Конструктивную же основу формирования позитивно-релятивистской парадигмы экономической науки, по нашему мнению, может составить обновленная концепция экономической ценности.

Впервые определенно высказанную идею о субстанциональной связи стоимостных отношений с развертыванием бытия экономического пространства-времени мы находим у А.Гриценко¹². Следуя этой посылке и опираясь на методологии классической, в том числе марксистской, школы, мы определяем *экономическую ценность как экономическое благо (условие и результат человеческой хозяйственной деятельности), имеющее определенную полезную форму и выступающее в процессе общественного обмена в тройкой определенности: стоимости, предельной полезности и цены,*

⁸ Лазарев С.С. *Онтология точности и прогностичности // Вопросы философии.* – 2004. – № 1. – С. 126.

⁹ Сорос Дж. *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности.* – М., 1999. – С. 86.

¹⁰ Лазарев С.С. *Онтология точности и прогностичности.* – С. 123.

¹¹ Ольсевич Ю. *К релятивистской экономической теории // Вопросы экономики.* – 1995. – № 6. – С. 13.

¹² См.: Гриценко А.А. *Эволюция стоимости // Экономика Украины.* – 2001. – № 4. – С. 45–55.

развертывающихся в ходе логико-исторического процесса формообразования бытия экономического пространства-времени¹³.

С этих позиций попытаемся выявить *пространственно-временные истоки ценностных отношений*, методологически питающие современные экономические теории. В дальнейшем сквозь призму нового понимания системы ценностных отношений можно будет проследить развертывание теоретических постулатов классической политической экономии и маржинализма с тем, чтобы положить начало преодолению их идейного кризисного противостояния. Сами же *истоки ценностных отношений кроются в условиях хозяйственной жизнедеятельности первобытного общества*.

Неравномерность и незначительное количество труда, по признанию большинства специалистов и наблюдателей, включая Л.Моргана, можно считать более или менее общим правилом жизни первобытных народов. Отсюда – отсутствие богатства, за исключением лишь самых необходимых предметов, и огромные запасы свободного времени, для наполнения которого трудом необходимо сочетание множества условий.

В.Кабо, опираясь на наблюдения ряда западных этнографов, рассчитавших, что рабочее время, затрачиваемое на добывание и приготовление пищи современными аборигенами Австралии и бушменами Африки, составляет не более 2–3 часов, а с учетом других работ – 4–5 часов в день, полагает, что такая продолжительность "рабочего дня" должна быть типичной для всей первой фазы первобытного общества. Соответственно он предлагает пересмотреть как преувеличенное бытующее в науке мнение, что жизнь первобытного человека протекала в жестокой борьбе за существование¹⁴.

А.Румянцев, напротив, считает, что деятельность первобытного человека, связанную с пропитанием, правильнее сравнивать с добыванием пищи антропоидами, которые по своему развитию должны быть наиболее близки животным предкам людей. А по свидетельствам приматологов, продолжительность "рабочего дня" человекообразных обезьян только по добыванию, в основном, растительной пищи равна не менее 7–8 часам. Можно предположить, – пишет автор, – что на заре человечества коллективное производство пищи, особенно мясной, сопряженное с изготовлением орудий труда, не укорачивало, а, скорее, удлиняло рабочий день¹⁵.

Так это или иначе, но закономерно одно: человеческий труд в первой его форме (как труд, связанный с присвоением и потреблением готовых продуктов природы) является инстинктивным и неупорядоченным; он обусловливается естественными потребностями и жизнеобеспечивающими ритмами организма (голод, жажда, сон, укрытие от непогоды и опасности и т. д.). Насколько мало регулирован труд, так же беспорядочно и потребление. Общими чертами нравов большей части южноамериканских индейцев, – отмечает Н.Зибер, – признаются, между прочим, жадность до обжорства, когда у них есть чем удовлетворить себя, и умеренность в случае нужды до того, что они могут обходиться без всего, не показывая и вида, что желают чего бы то ни было¹⁶.

¹³ См.: *Артемова Т.И.* Методология інституціоналізму у контексті теорії вартості // Економіка і прогнозування. – 2003. – № 3. – С. 115.

¹⁴ См.: *Кабо В.Р.* У истоков производящей экономики. Ранние земледельцы. – Минск, 1980. – С. 65–66.

¹⁵ См.: *Румянцев А.М.* Первобытный способ производства. – М., 1987. – С. 116.

¹⁶ См.: *Зибер Н.И.* Очерки первобытной экономической культуры. – М., 1937. – С. 152.

Лень и чрезмерное напряжение сил, с одной стороны, обжорство и голод – с другой, исследователи отмечают как наиболее существенные недостатки организации хозяйственной деятельности первобытных народов. Недостатки эти органически вытекают из условий добывания средств существования древними людьми: с определенного пространства и только определенными способами. Крым, например, в эпоху среднего палеолита мог прокормить всего 150–200 неандертальцев – охотников и собирателей¹⁷. Стоянки австралопитековых занимали площадь примерно в 170 кв. м, как правило, вблизи источников воды. Отсюда первобытные люди уходили на охоту, на сбор растений и их плодов, на поиски материала для изготовления орудий. В радиусе 5–8 км на площади в 200–250 кв. км они добывали необходимые им продукты природы; эта площадь земли была базой коллектива, местом его жительства, труда и отдыха.

Не обладая большой подвижностью, древние люди сравнительно долго оставались в родном ареале и в силу этого уже не могли быть безразличны к занимаемой ими территории. *Пространственные представления были, на наш взгляд, исторически первой ценностной рефлексией первобытного человека по поводу его хозяйственной деятельности; бытие же экономического времени при этом предстаёт как стянутое в одну точку и обуславливается совокупностью биоритмов человеческого организма и окружающей среды.* "Самая забота о существовании туземцев Нового Виллиса, – пишет Н.Зибер, – никогда не идет дальше настоящего момента, у них нет завтрашнего дня; они едят и спят, пробуждаются и ищут себе пищу: вот их жизнь"¹⁸.

Рефлексия бытия пространства доминантна для всех форм жизнедеятельности первобытного человека. Так, английская исследовательница Б.Адамс считает, что время в жизни ранних обществ выполняет инструментальную функцию, являясь вторичной, зависимой от пространства переменной. Другой английский автор Э.Эванс-Причард, изучавший в 1960 годы племена нуэров в Судане, говорит, в частности, что они живут сиюминутным временем, воспринимая лишь текущий момент, связанный либо с метеорологическими условиями, либо с естественным окружением или повседневной деятельностью¹⁹. И.Андреев высказывает гипотезу о связи пространственных представлений с восприятием водных поверхностей как некоей обозреваемой природной двухмерности. Толчком же к улавливанию и закреплению в психике людей временных ритмов он считает огонь, который, будучи источником повышенной опасности, не только давал людям свет и тепло, но и "диктовал" определенный ритм совместной и наперед рассчитанной деятельности по его поддержанию²⁰.

Предположение о предшествовании "зрительного отражения" пространства "слуховому восприятию" времени косвенным образом подтверждается современными исследованиями в таких отраслях науки, как эмбриология,

¹⁷ См.: Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 59.

¹⁸ Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. – С. 147.

¹⁹ См.: Adam B. Nime and Social Theory. – Cambridge, 1990; Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. – М., 1985.

²⁰ Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 55.

нейрофизиология, этнография, археология, культурология и т. д. Доминирование правого полушария головного мозга на ранних этапах развития человека, как отмечают специалисты, обуславливает эффект "увязания" временных представлений в поле пространственных взаимосвязей: явления, процессы, а также их стадии воспринимаются как смутно дифференцированные, внепричинноследственные. Аналогично по мере перехода от присваивающего к воспроизводящему хозяйству нерасчлененное (синкретичное) бытие пространства-времени в восприятии человека постепенно раздваивается на экологическое, связанное с рефлексией естественных ландшафтов, и структурное, обусловленное процессом творческого преобразования пространства во времени.

Как отмечают специалисты, особенностью пространственного мышления является то, что оно очень конкретно, насыщено мелочами и не склонно к абстрактным обобщениям. Когда в африканской глубинке просишь местного жителя помочь найти дорогу, – пишет, например, И.Андреев, – то обычно получаешь столь развернутый ответ, что не в силах его ни запомнить, ни записать. И тогда, сжалившись над тобой, таким безнадежно бестолковым, тебе называют очень специфический пространственный ориентир с советом найти там кого-то, кто укажет, как идти дальше²¹.

Применительно к первым формам человеческого хозяйствования "пространственный" образ мышления проявляется в концентрации внимания на полезности, специфических качествах вещей, удовлетворяющих потребности. Явно выраженная определенность качества характерна, таким образом, для первых ценностных представлений человека. У Н.Зибера находим характерный пример такого "полезностного" экономического мышления первобытных народов. Туземцы Австралии, – говорит он, – очень хорошо знают ценность гамака и ближе к ночи, собираясь ко сну, не уступят вам его ни за какие богатства, сколько бы вы их ни соблазняли; зато утром у вас есть возможность получить гамак даром, ведь с утра он не представляет никакой ценности в их глазах²².

Бытие экономического времени для первобытного человека, таким образом, сродни восприятию времени ребенком: по Чуковскому, "у ребенка есть целое утро, потом целый день, а потом еще целый вечер". Естественно, что при такой протяженности микроединиц макроединства попросту не воспринимаются. "Кажется странным, – читаем у Н.Зибера, – что туземцы Аруанских островов не сажают у себя кокосовых орехов, но причина заключается попросту в том, что они не могут решиться закопать в землю такую прекрасную вещь, имея в виду собирание плодов только через двенадцать лет. Кроме того, если не сторожить плода днем и ночью, то его, вероятно, выруют и съедят"²³.

Первоначальные ценностные ориентиры хозяйственной деятельности человека, таким образом, обусловлены доминантной рефлексией бытия пространства и фокусированием внимания на полезности благ, удовлетворяющих жизненно важные потребности. "Чувство пространства" долго оставалось (а в традиционных – "природных" – цивилизациях остается до сих пор) необходимой предпосылкой освоения территорий, ресурсов и форм присваивающего хозяйства. Однако человек, по выражению С.Булгакова, стремится к

²¹ См.: Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти. – С. 58.

²² См.: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. – С. 149.

²³ Там же. – С. 152.

достижению хозяйственной свободы, к власти над отчужденной от него природой, к экономической мощи или богатству. Это стремление реализуется в процессе развития общественного хозяйства во времени.

Эпоха хозяйства (хозяйственная деятельность человека во времени) начинается с преобразования ("одомашнивания", или доместикации) бытия экологического пространства. Специалисты считают, что исторически первой формой "цивилизованного пространства" было социально оборудованное жилище. Обустройство жилища характерно не только для человека; животные также затрачивают усилия на изготовление жилья, но человеческое хозяйство есть процесс общественно-исторического развития, это значит, что оно есть "...процесс не только коллективный (как у животных), но и качественно общественный. Всякий индивид, вступающий в хозяйство, занимает в нем некоторое свое, как бы ему приготовленное место; и потому индивидуальные усилия и личные деяния получают здесь общественное (трансубъективное) значение"²⁴.

Общественность проявляла себя уже на первых этапах хозяйственной деятельности человека: порядок распределения бытия доместичированного пространства отражал систему социальных отношений. Американский антрополог Р.Лонэй, изучавший обычаи одного из африканских народов, пишет, что пространственные представления здесь предстают как отражение различий между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, свободными и рабами. Право старшинства одновременно определяет и права на все виды пространства: мечеть, рыночную площадь, места расположения ткацких станков, жилые дома и территорию, к ним прилегающую. Принцип этого отражения, как отмечает автор, – сложный, зачастую запутанный, но никогда пространство не выступает нейтральным, а всегда – высокоорганизованным, зависящим от многочисленных и различных по характеру отношений в общине²⁵.

Интересным аспектом раннего восприятия и реализации доместичированного пространства является осознание человеком себя как части коллектива (сообщества) внутри природы. Бытие хозяйственного пространства еще не рефлексировалось отдельно от бытия его как природной субстанции, а жилище и селение одновременно предстают и прообразом Вселенной-Космоса, и телом человека. Так, у догон, одного из народов Африки, принцип тождества человека и бытия пространства воплощался в планировке всех деревень и отдельных жилищ. Селение догон формировалось как распростертое с севера на юг тело предка Номмо²⁶.

Восприятие трехмерности пространства, а также его раздвоенности на природное и обжитое дополнялось осознанием ограниченности территории – жилища, обработанного участка земли, рощи, естественного водоема и т. д. Это обуславливало зарождение отношений собственности, исторически первыми формами которых стали отношения пользования, отражающие господство бытия хозяйственного пространства в условиях бытия экономического времени-точки. "Институт собственности, – пишет И.Андреев, – зарождался на спорных границах и служил первоначально защите естественно-биологических и созданных своими руками искусственных предпосылок культовой и

²⁴ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М., 1990. – С. 92.

²⁵ См.: Пространство и время в традиционных и архаических культурах. – М., 1996. – С. 101.

²⁶ См.: Львова Э.С. Культура народов тропической Африки вчера и сегодня. – М., 1996. – С. 7.

хозяйственной деятельности от притязаний со стороны "чужих" общин, племен, индивидов... Зарождение же концепции владения, как продленного и наперед гарантированного пользования, и тем более распоряжения, связано с эволюцией восприятия времени"²⁷.

Первобытные формы обмена с самого начала также обуславливались исходной формой реализации бытия экономического пространства-времени. Сам обмен имел коллективный характер: участвующие в нем племя или община делегировали свои экономические полномочия избранным людям, перенося собственные представления об общем (едином) хозяйственном пространстве на отношения обмена. Исследователи отмечают, что если для изготовления лодки, например, был необходим труд нескольких человек (братьев), то при обмене вся группа братьев (включая тех, которые непосредственно не участвовали в самой работе) выступала собственником изделия.

Избежать затруднений торговли целого племени с другим племенем помогала обрядовость обмена, подчеркивающая его институциональный характер. В.Массон описывает существовавший обычай торговых отношений через партнеров-посредников, которые с детства, после обмена их отцов пуповинами, были связаны между собой особенными незримыми узами. Они не должны были ни разговаривать, ни касаться друг друга, и, вместе с тем, именно через них оба племени вели взаимный обмен²⁸. Постепенно в торговые сношения с иноземцами от имени и в интересах всего племени входят старейшины, которые затем присваивают себе и право собственности на произведенные согражданами блага.

Условием возникновения и развития форм обмена явилось экологическое разнообразие мест расселения различных общин и, прежде всего, разнообразие сырьевых жизнеобеспечивающих источников. Природные богатства занимаемой общиной территории способствовали изготовлению здесь особенных, самобытных продуктов. Специфическую роль экономического катализатора сыграл культурный традиционализм, который на первых порах также обуславливался рефлексией бытия хозяйственного пространства. В итоге благо, изготовленное или расположенное в определенном месте, наделялось особо привлекательными полезными качествами. В Австралии, как пишет В.Массон, причиной широкого развития обмена нередко выступали представления о том, что вещи, изготовленные специалистами или племенами определенной местности, обладали специфическими признаками, делающими их наилучшими, хотя это не всегда соответствовало действительности. Именно маршруты традиционного обмена, по которым двигались копья, бумеранги, щиты и другие изделия, пересекали весь материк²⁹.

За ритуальной охрой или камнем для изготовления орудий снаряжались целые экспедиции. Дальность таких экспедиций иногда достигала 500 км, несмотря на то, что поблизости имелись аналогичные источники такой же по качеству охры. Однако именно охре, приносимой издалека, приписывали особые магические свойства, а значит, и высокую ценность. Как пра-

²⁷ Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти. – С. 61.

²⁸ См.: Симпозиум по вопросу обмена и торговли в древних обществах // Институт археологии: краткие сообщения. – 1973. – № 138. – С. 5.

²⁹ См.: Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Ленинград, 1976. – С. 78.

вило, такие традиционные маршруты осуществлялись в районы реального или легендарного происхождения соответствующих племен.

Ориентацией на предельную полезность блага и отсутствием четких представлений об эквивалентности, отражающей отношения стоимости, характеризуются первые формы обмена. Как отмечают В.Массон и Н.Бутинов, существенным моментом во всех случаях первобытного обмена является то, что пропорции, в каких обменивался один продукт на другой, не фиксировались, то есть не были постоянными. Лица, вступавшие в обмен, ориентировались на потребительскую ценность, которую в данный момент представляла для них та или иная вещь. В одном случае большая сумка с питчером могла обмениваться на один бумеранг, в другом – на щит или на шесть бумерангов³⁰.

Аналогичную природу имеет феномен чудовищной непропорциональности торговли европейцев с туземцами в эпоху Великих географических открытий, обеспечивший им возможность устойчивого одностороннего обогащения (хотя и в других формах, но по сути все ту же "пространственную психологию обмена" и сейчас зачастую умело используют экономически зрелые страны в отношениях с более молодыми хозяйственными партнерами). Один из путешественников XVII века пишет, в частности, о карибах, что они предпринимают дальнейшее плавание в опасное время года единственно с той целью, чтобы купить какой-нибудь пустяк – ножик или что-нибудь подобное, и отдадут за этот нож все, что привезут с собою, тогда как не дали бы и самонаименьшей части, если бы вместо этого ножа им предложили целую лавку товаров другого рода³¹. Каное туземцев Новой Гвинеи в Гумбольдтовой бухте, – вспоминает другой автор, – оставались около нас все время, и между экипажем судна и туземцами развилась живая меновая торговля. На человека, не знакомого с Южным океаном, производит поразительное впечатление вид того, как дикари отдают за пару кусков заржавленного железа или за нитку бус полные руки оружия или поясов, ожерелий и серег, свою трудную работу многих дней³².

Порой потребительская алчность туземцев поражает. "По прошествии нескольких дней плавания по Ориноко путешественники встретили целую армию карибов, которые только что перед тем покончили торговлю с народцами, настолько нуждающимися в орудиях и вместе с тем лишенными родительской любви, что отдают карибам дочь или сына за топор, за нож, за четыре нитки стекляруса, так как вид этих пустяков производит на них большее впечатление, нежели нежность и слезы жертв их жадности"³³, – находим у Н.Зибера свидетельства очевидцев XVIII века.

Обусловленность первобытных денег рефлексией бытия экономического пространства-времени нашла отражение и в литературе. В ходе обмена деньги в общественном сознании срастаются с определенной полезной формой блага, – отмечает К.Маркс. При этом "срастание" постепенно происходит "или с наиболее важным из предметов, которые получают путем

³⁰ См.: Массон В.М. Обмен и торговля в первобытную эпоху. – Л., 1978. – С. 80; Бутинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе // Труды института этнографии АН СССР. – 1960. – Т. 54.

³¹ См.: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. – С. 340.

³² Там же.

³³ Там же. – С. 348.

обмена извне и действительно представляют собой естественно выросшую форму проявления меновой стоимости местных продуктов, или же – с предметом потребления, который составляет главный элемент местного отчуждаемого имущества, как, например, скот³⁴.

Этнография и археология дают многочисленные подтверждения в пользу развития такого рода процессов в архаических обществах. В качестве иллюстрации для первой версии Маркса можно привести раковинные деньги и каменные диски, имевшие обращение в Микронезии и на острове Ян и доставлявшиеся туда на лодках с отдаленного на 700 км острова. К формам денег, выросших из предметов местного отчуждаемого имущества, относятся циновки и свиньи в Океании, зерно в древнем Шумере и Египте и т. д.

Деньги, обращающиеся в первобытном хозяйстве, нельзя считать деньгами в полном смысле этого слова; они еще не выступают всеобщим средством обмена, не имеют даже своей особой, отличной от других полезных благ предметной формы существования. Вместе с тем *деньги предстают здесь уже не просто как полезная вещь, участвующая в обмене, но как институт экономической ценности, отражающий единство предельной полезности и стоимости, заключенное в любой меновой пропорции: x товара $A = y$ товара B .*

Первобытные деньги – это первые шаги реализации количественной меры экономической ценности, не выходящие за пределы ее качественной определенности, как бы "увязающие" в ней; это мучительная попытка развертывания бытия экономического времени, зажатого в толще бытия экономического пространства. Исторические материалы позволяют наблюдать оригинальные формы проявления этого процесса.

На острове Мазво в Меланезии циновки, имеющие значение меры стоимости, нарочно портили, чтобы лишить их потребительной стоимости, – пишет В.Массон. Характерной чертой употребления конкретных металлических изделий в качестве денег было изменение их внешней предметной формы путем ее миниатюризации или гигантизации. В западной части Африки в "денежном обращении" находились, например, наконечники копий длиной до 1,7 м; цена их колебалась в зависимости от веса. Там же деньгами служили и небольшие железные кинжалчики; медь обращалась в виде U-образных брусков или браслетов³⁵. Очень своеобразны деньги с острова Ян – тяжелые и малотранспортабельные просверленные каменные диски весом в несколько десятков килограммов.

И миниатюризация, и гигантизация древних денег, и умышленная порча их как полезных вещей – все это, по нашему мнению, есть инстинктивные попытки хозяйствующих субъектов логически отразить противоречивое единство предельной полезности и стоимости в ходе развертывания бытия экономического пространства-времени.

Особенностью первобытных денег является также "узкая специализация" их функций – обслуживание отдельным видом денег соответствующей группы меновых сделок. Смысл этого феномена состоит, на наш взгляд, в том, что деньги как воплощение бытия экономического времени призваны реализовать идею честного обмена, экономической справедливости земной хозяйственной жизни – бытия экономического пространства. В силу внутрен-

³⁴ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 98–99.

³⁵ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – С. 83–84.

него несовершенства первобытных денег это их хозяйственное предназначение зачастую подкреплялось административными мерами. В древней Мексике, например, существовало несколько "сортов" обращающихся денег. Первый сорт составляли зерна какао, второй – лоскуты хлопчатобумажной ткани, служившие исключительно для приобретения товаров первой необходимости; третий сорт – золото в порошке; четвертый – куски меди, разрезанные в форме буквы "Г" и служащие для покупки предметов малой ценности. Каждому роду продуктов, – пишет Н.Зибер, – отводился особый квартал. Многочисленные сделки совершались без всякой путаницы и с полным соблюдением справедливости под надзором должностных лиц, приравненных для этой цели³⁶.

Для первых шагов товарного обращения, когда пространственная сфера развертывания бытия экономического времени (стоимости) ограничена, характерно излишнее выпячивание и обособление функции денег как средства образования сокровищ. Выпячивание это, как думается, отражает *подчиненность бытия экономического времени бытию экономического пространства*, тождественного здесь бытию пространства природного, физического.

В древней Меланезии, по свидетельствам, богатый человек имел в своем доме 50 и более циновок, которые демонстративно висели на стенах и постепенно ветшали. Аналогично как подтверждение лежали мертвым грузом возле хижины зажиточного владельца огромные просверленные каменные диски на острове Ян. Археология приводит достаточное количество примеров, характерных для самых разных народов, когда ценные изделия, включая и собственно "деньги", входили в состав необходимого инвентаря для погребения состоятельных людей и племенных вождей. Здесь налицо характерное использование накопленного денежного богатства (воплощенного бытия экономического времени) – помещение его в могилу – физическое бытие пространства, из которого оно выросло.

С другой стороны, и развешанные на стенах подпорченные циновки, и груды камней возле дома уже не являются просто циновками, камнями и необходимыми на случай погребения предметами. Их пространственные тела несут на себе *институциональную печать экономической ценности, отражающую "взаимное перетекание" бытия экономического пространства в бытие экономического времени*. Это идеальная реальность, осязаемая форма выражения "неосязаемых" экономических отношений – единства предельной полезности и стоимости.

Однако "временная" функция денег как меры стоимости не находит адекватного применения в неразвитом экономическом пространстве первобытного общества. В этом смысле можно говорить об эффекте бытия экономического времени, "свисающего", "выплетающегося" из толщи бытия хозяйственного пространства. Бытие времени общественного хозяйствования как бы раздваивается на полностью погруженное в бытие пространственных алгоритмов жизнедеятельности и самостоятельное, экономически выплетающееся, "вывинчивающееся" из них.

В условиях традиционного хозяйства, организованного в соответствии с законами бытия естественного, природного пространства, основной формой богатства выступают не деньги – застывающее в предметной

³⁶ См.: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. – С. 355.

оболочке бытие экономического времени, а время как живой процесс непосредственного общения между людьми. Бытие экономического времени, впоследствии воплотившееся в денежную форму, здесь предстает как разновидность "оплаты" за удовольствие общения с членами родного коллектива, пребывания в комфортном месте, за любование природой, за удовлетворенность от выполнения предписанных обычаев и традиций. Формой богатства выступает не просто общение, но общение в "своем кругу" – в среде лиц, осуществляющих совместное пользование общим хозяйственным пространством.

Швейцарский психолог К.Юнг в свое время обращал внимание на такую поведенческую особенность "архаичного" человека, как концентрация внимания на узком и внешне как бы не заметном сенсорном поле. Общаясь с индейцами, африканцами, жителями островов южных морей, ученый отмечал, что не мог завладеть их вниманием более чем на два часа. По истечении этого времени все они, словно сговорившись, категорически заявляли о своей усталости, скуке, потере интереса к беседе, хотя обстановка общения была самой непринужденной, а вопросы – достаточно простыми. Характерно, замечает К.Юнг, что тот же "уставший" человек мог сразу пробежать 120 км в роли писмоносца или танцевать ночь напролет у пылающего костра³⁷.

Эта общественная связь, имеющая разнообразные формы, хотя и не тождественна современной глобализирующейся системе информационных потоков, пронизывающих все земное экономическое пространство и увязывающих его в единое целое, но представляет собой ее далекий прообраз – мощный источник хозяйственной производительности.

Своеобразный феномен, отражающий процесс взаимодействия бытия времени непосредственного социального общения и бытия экономического времени, можно наблюдать в современных условиях, когда хозяйственная жизнь народов даже самых отдаленных регионов планеты вовлекается в процесс единого круговорота. Специфическая слитность времени с процессом непосредственного общения в африканцах буквально поражает, – пишет, в частности, И.Андреев. – Я общаюсь – значит, существую для своего делового партнера-африканца. Но вот я уехал, перестал быть чувственно воспринимаемым. Мой образ быстро вытесняют другие, более яркие актуальные эмоциональные впечатления. Факсы, телефонные разговоры через тысячи километров чужим до неузнаваемости голосом – лишь смутное напоминание о совместно задуманном, бледная тень моего недавнего столь эмоционального образа. А какие дела можно всерьез обсуждать с "тенью"? Спустя сколько-то дней, недель, месяцев отсутствия ты появляешься вновь. Сколько искренней радости и жажды деятельности! Все приходит в движение – как правило... с той самой точки, на которой оно остановилось в момент расставания³⁸.

Процессы институционального трансформирования бытия хозяйственного пространства-времени в традиционных обществах ускоряются в ходе их взаимодействия с более зрелыми в экономическом отношении цивилизациями, в результате переплетения различных социально-экономических про-

³⁷ См.: Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М., 1996. – С. 162.

³⁸ См.: Андреев И.Л. Связь пространственно-временных представлений с генезисом собственности и власти. – С. 68.

странственно-временных потоков. В целом же логика реализации отношений экономической ценности в "природных" хозяйственных системах до сих пор обуславливается преимущественно рефлексией бытия пространства. "Для большинства африканцев, ведущих традиционный либо маргинальный образ жизни, – пишет И.Андреев, – восприятие времени бедно впечатлениями или ассоциациями, "сплющено" до элементарного различения того, что было "давно", и того, что есть "сейчас". Сроки сельскохозяйственных работ регулирует погода, прием или поиски пищи – голод, отдых – усталость. Нередко в африканских городах можно наблюдать такую сценку. Идет прохожий, потянулся, зевнул (жара сморила или просто устал), бросил в тенечке циновку, если таковая была при себе, прилег и уснул; проснувшись, продолжил путь"³⁹. Вместе с тем развитие бытия хозяйственного пространства во времени объективно обуславливает его экономический динамизм, постепенное преодоление зависимости от циклических ритмов природы, восприятие элементов нового, неопределенного, непредвиденного. Накапливаясь, эти новации ведут к качественному изменению формы самой общественной человеческой деятельности, ее продукта, а также ценностных представлений, отражающих эти изменения и, в свою очередь, вновь изменяющих форму.

Социологи констатируют, что по мере роста грамотности, влияния городской культуры, приобретения новых профессий, занятия бизнесом хозяйственное поведение человека в традиционном обществе претерпевает динамические изменения. Однако и сегодня здесь по-прежнему сохраняется настороженное отношение хозяйствующих субъектов ко всякого рода экономическим новациям, восприятие их как заведомо нежелательных, ибо они рождают риск, а следовательно, нарушают "нормальный порядок вещей". С этим, как считают специалисты, связана и традиционная бедность населения в таких странах, воспринимаемая как норма жизни. Явления отложенного спроса, отсроченного потребления, дачи в долг и взятия займов малоизвестны в Африке, – отмечает Н.Ксенофонова, – по крайней мере, за пределами городов. Характерным является также то, что африканцы, приобщенные к городской цивилизации, в большей степени стремятся реализовать свои потребительские запросы, чем увеличить трудовые затраты⁴⁰.

Сказанное выше свидетельствует, по нашему мнению, о том, что *динамика общественной хозяйственной деятельности обуславливается закономерностями реализации бытия экономического пространства-времени, формирующимися в процессе исторического развертывания отношений экономической ценности и форм обмена.*

Так, процесс исторического развития общественного хозяйства начинается с преобразования человеком природного пространства, одной из первых форм доместикации которого является "социально оборудованное" жилище. Обмен изначально также обуславливается пределами хозяйственных возможностей природной территории, занимаемой племенем (общиной), и возникает на ее физических границах. Объектом обмена, как правило, становились блага, предельная полезность которых связывалась с их местоположением – происхождением из определенной местности.

³⁹ Там же. – С. 67.

⁴⁰ Ксенофонтова Н.А. Африканское крестьянство: перемены в общественном сознании. – М., 1990. – С. 33.

В ходе развития обмена появляются деньги, представляющие собой институт экономической ценности. Отражая процессы "взаимного перетекания" бытия экономического пространства в бытие экономического времени, этот институт увязывает воедино две превращенные логические формы экономической ценности – предельную полезность и стоимость. При этом первоначально деньги "срастаются" с полезной формой отдельных экономических благ, отражая исходную подчиненность бытия экономического времени бытию экономического пространства.

На ранних этапах развития общественного хозяйства бытие экономического времени "отслаивается" от бытия экономического пространства, равноправно дополняя его и обуславливая экономический выбор лишь в экстремальных ситуациях. В качестве иллюстрации такой ситуации А.Гриценко рассматривает случай пожара. Представим себе и мы картину: загорелась первобытная хижина, в которой находится имущество племени или семьи. Какие вещи будет в первую очередь спасать от огня человек, оказавшийся рядом и вынужденный действовать быстро и разумно? По-видимому, вещи, отвечающие двум требованиям, автоматически всплывающим в сознании: наиболее полезные, жизненно важные и те, которые (при равнозначности их полезности) труднее (сложнее, дольше) воспроизвести.

Из этого озарения-осознания единства бытия экономического пространства-времени вырастают две величайшие логические ценностные концепции – трудовая теория стоимости и теория предельной полезности, впоследствии дополненные теорией экономического выбора в рамках неинституционального направления экономической мысли.

Три названных научных течения в своем развитии, по нашему мнению, отражают единый логико-исторический процесс формообразования экономической ценности, теоретическое осмысление которого может заложить новые основания экономической науки XXI столетия.